

УДК 81'367+81'373
DOI: 10.17223/19986645/67/7

В.Ю. Меликян

ФРАЗЕОСИНТАКСИЧЕСКИЕ СХЕМЫ «Хорош + N₁^{!1}» И «Хорош + N₁^{!2}» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследуются фразеосхемы «Хорош + N₁^{!1}» и «Хорош + N₁^{!2}» в аспекте теории синтаксической фразеологии, а также с учётом ключевых постулатов грамматики конструкций: изучаются означающее и означаемое, этимология, парадигматика и синтагматика, степень фразеологизации. Установлено, что фразеосхемы обладают определённым набором интегральных и дифференциальных (в том числе различаются по степени фразеологизации) свойств, что позволяет квалифицировать их отношения как омонимические (омоформы).

Ключевые слова: синтаксическая фразеология, грамматика конструкций, фразеосинтаксическая схема, модели построения, русский язык.

Основной сферой функционирования синтаксических фразеологических единиц (далее – СФЕ) является разговорная речь, которая занимает большую часть коммуникативной практики человека: «...разговорный синтаксис характеризуется своими специфическими синтаксическими моделями, коренным образом отличающимися от общелитературных и письменно-литературных синтаксических моделей» [1. С. 271].

При этом языковое сознание в типизированных речевых условиях стремится использовать готовые (стереотипные) языковые формы. Это детерминировано тем, что стереотип облегчает коммуникацию, позволяя экономить время, языковые и физические ресурсы, а также обеспечивает высокий уровень эффективности общения. При этом «стереотипы... исчислимы. “Стереотипно” – не значит плохо. “Стереотипно” означает быстро. Цель реализации стереотипов – затратив минимум языковых и поведенческих усилий, достигнуть нужного коммуникативного эффекта» [2. С. 5]. Устойчивые (стереотипные, стандартизированные) предложения весьма динамичны и экспрессивны.

Устойчивость синтаксической конструкции, как правило, связана с её фразеологизацией. Изучение СФЕ, составляющих мощный ресурс живой разговорной речи, имеет особую значимость для любого языка. По мнению В.Г. Белинского, фразеологический фонд или фразеологический состав языка – это «неисчерпаемое богатство идиомов», которые составляют «народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство» [3. С. 151].

В современном языке наблюдается тенденция к увеличению количества СФЕ, что свидетельствует о стремлении языка к конвенциализации, устойчивости, системности, регулярности и объясняется такими наиболее харак-

терными их свойствами, как экономность, эмоциональность и высокой степени экспрессивность. Они выступают в качестве одного из наиболее ярких средств эмоционально-экспрессивного выражения коммуникативно-го смысла. Их изучение всегда остается актуальной задачей современного языкознания [4. С. 223].

Грамматика-80 дефинирует СФЕ следующим образом: «Фразеологизированными называются предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой. В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия» [5. С. 382]. Подобные построения, по мнению Л.П. Якубинского, «... становятся как бы окаменелыми, превращаются в своего рода сложные синтаксические шаблоны; членение фразы в значительной мере стирается и говорящий почти не разлагает её на элементы. Воспроизведение, мобилизация такой фразы есть воспроизведение привычного шаблона или "речения"..."» [6. С. 175].

В Грамматике-80 СФЕ рассматриваются в системе простого предложения (раздел «Простое предложение») в качестве его самостоятельной структурно-семантической разновидности (подраздел «Предложения фразеологизированной структуры»). Таким образом, разграничиваются предложения, строящиеся по свободным структурным схемам, и предложения фразеологизированной структуры. Кроме того, отмечается особая роль последних как средств формирования и выражения субъективно-модальных значений (раздел «Субъективно-модальные значения»): «К числу синтаксических конструкций, специально предназначенных для выражения субъективно-модальных значений, относятся, во-первых, разнообразные синтаксические фразеологизмы, т.е. такие построения, в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми...» [5. С. 216]. Однако на данном этапе развития грамматической науки еще отсутствует дифференциация синтаксических фразеологизмов по классам, по степени структурно-семантической слитности компонентов, а также по характеру синтаксической структуры предложения (сложная или простая) и т.д. Всё это связано с попыткой использования «старого» инструментария, разработанного в рамках теории предложения нефразеологизированного типа.

СФЕ многочисленны и специфичны. В современном языкознании принято различать четыре класса СФЕ: *коммуникемы* (слова-предложения), *фразеосинтаксические схемы* (*фразеосхемы*), *устойчивые модели* и *устойчивые обороты*. Данная статья посвящена исследованию *фразеосхем* [7].

Фразеологическая наука в России и за рубежом имеет различные традиции.

Методология исследования фразеосхем (как и фразеологии в целом) была разработана в отечественном языкознании во второй половине XX в. Оно развивалось по пути обособления фразеологических единиц как особого объекта, существенно отличающегося от так называемых «обычных»,

«традиционных», «правильных», «нормальных» языковых единиц: «Фразеология – это общее название для всех отступлений от правил интеграции значимых единиц в одну более сложную. Фразеологическая единица, или фразеологизм, – это такая структурная единица, строение которой не соответствует правилам интеграции значимых единиц того или иного уровня; иначе говоря, она является немоделируемым образованием» [8. С. 431].

Выделение признака «нарушение правил интеграции» между компонентами, входящими в структуру фразеологических единиц, позволяет некоторым исследователям (см., например: [9–11] и некот. др.) характеризовать их как «аграмматичные» или «незавершенные» единицы языка, «языковые излишки», которые не представляют собой системного материала языка [12], «аномалии речевой деятельности», которые «нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» [10. С. 437]. Данный подход вполне оправданно раскритиковал ещё И.Ф. Вардуль: «Если обнаруживаются предложения, не поддающиеся истолкованию как грамматические (т.е. необъяснимые в рамках теории), это должно рассматриваться как свидетельство неадекватности теории. Такая теория не удовлетворяет требованию объяснительности» [13. С. 316]. Таким образом, признаётся, что фразеологические единицы организованы по правилам, отличным от тех, которые распространяются на основной массив языковых единиц.

Данный факт, однако, не означает, что фразеологические единицы составляют какое-либо асистемное явление в языке. Они системны. По справедливому утверждению Ю.М. Скребнева, характер этой системности несколько иной, своеобразный. Это обусловлено, с одной стороны, спонтанным неофициальным устным общением, которое более чем другие виды языкового общения подвержено деформирующему воздействию экстралингвистических факторов. С другой стороны, разговорная речь нерегламентируема и лишь до известных пределов контролируется сознанием. Она представляет собой совокупность автоматизированных коммуникационных актов. Именно поэтому собственно языковые законы действуют в ней наиболее непосредственно, «без помех», не подвергаясь противодействиям социального регулирования [14. С. 8].

Большинство современных исследователей, в том числе зарубежных, также не склонны квалифицировать данный пласт языковых единиц в качестве «маргинальных»: *There are vast numbers of such memorized fixed expressions; these extremely crude estimates suggest that their number is about the same order of magnitude as the single words in the vocabulary. They are hardly a marginal component in our use of language* [15. P. 136] («Существует огромное количество таких содержащихся в памяти фиксированных выражений; эти весьма приблизительные оценки предполагают, что их количество составляет примерно тот же порядок величины, что и отдельных слов в словаре. Они едва ли являются маргинальным компонентом в нашем использовании языка»; перевод автора).

Таким образом, отечественное языкознание исходит из того, что при исследовании ФЕ следует использовать нестандартный, нетрадиционный,

специфический инструментарий. Такой подход обусловил бурный рост теории фразеологии в России во второй половине XX в. В начале XXI в. идея о дифференциации ФЕ на лексические и синтаксические получила подтверждение в целом ряде научных исследований, была разработана классификация СФЕ, что способствовало формированию частной теории фразеологии – теории синтаксической фразеологии.

В зарубежном языкознании проблемы ФЕ рассматривались в связи с решением других задач, например стилистики, риторики, стереолингвистики и других аспектов устройства и функционирования СФЕ. При этом неудовлетворительность теории генеративной лингвистики Н. Хомского, которая оказалась неспособной объяснить правила формирования большого количества языковых единиц, которые не вписывались в «традиционные» правила грамматики, привела к рождению так называемой «грамматики конструкций». Такие единицы языка долгое время игнорировались лингвистической наукой.

Ch. Fillmore, P. Kay и С. O’Connor [16] обратили внимание на то, что «формальные идиомы» характеризуются определённой внутренней организацией и продуктивностью и могут выступать носителями семантической информации (правда, 30 лет спустя после того как это сделали Н.Ю. Шведова [17] и Д.Н. Шмелев [18]). В рамках грамматики конструкций анализируются также семантические правила и ограничения, детерминирующие функционирование фразеологизированной конструкции того или иного типа. Конструкция предстаёт в совокупности своего синтаксического значения и частичной лексикализации (сравните с классическим определением фразеосхемы в работах Н.Ю. Шведовой [17] и Д.Н. Шмелева [19]).

Главным стимулом к появлению грамматики конструкций послужила необходимость разработки системы грамматического описания, в которой синтаксические конструкции фразеологизированного типа (в той или иной степени идиоматичные) были бы представлены в той же формальной системе, что «регулярные» («свободные», нефразеологизированные) модели и правила [20. Р. 1]. Таким образом, в грамматике конструкций отсутствует дихотомия «фразеологический – нефразеологический», так как любая синтаксическая конструкция, независимо от степени ее формальной или семантической специфичности, рассматривается как уникальное сочетание формы и значения [16].

В этой связи в рамках традиционного трансформационного синтаксиса возникло особое направление лексико-грамматических исследований, которое во главу угла ставило исследование специфики синтаксических конструкций, детерминированной их лексическим наполнением, что впоследствии и оформилось в грамматику конструкций, в которой конструкция трактуется как структурная единица языка со своей собственной семантикой и которая характеризуется определёнными лексико-семантическими ограничениями, связанными с заполнением всех возможных «мест» в такой конструкции [21].

Таким образом, в зарубежном языкознании пошли по пути не дифференциации лингвистического инструментария исследования свободных и фразеологизированных синтаксических конструкций, а полного отказа от использования существующего набора абстрактных принципов описания грамматики и разработки новых, применимых к абсолютно всем типам языковых фактов. Идеологи грамматики конструкций считают, что если разработать принципы описания «нерегулярных» конструкций (прежде всего фразеологических, «аграмматичных», например: «лексически открытые фраземы») («lexically open idioms» или «formal idioms» [16], «схематические фраземы») («schematic idioms») [22. Р. 248], «формальные конструкции» [21]), то данный методологический аппарат будет автоматически экстраполирован и на конструкции, формирующиеся по «традиционным» правилам [16, 23].

Однако, несмотря на все эти установки и попытки разработать единую методологию исследования «тривиальных» (т.е. соответствующих нормам грамматики) и «нетривиальных» (т.е. не соответствующих нормам грамматики) синтаксических конструкций, грамматика конструкций и теория фразеологии достаточно далеки друг от друга: «Довольно часто приходится слышать мнение, что грамматика конструкций (Construction Grammar, сокращенно СхG) и теория фразеологии – это, по сути, одно и то же. Это не так, хотя между этими двумя областями лингвистики существует немало точек пересечения» [24. С. 8].

К серьёзным недостаткам грамматики конструкций следует отнести прежде всего её ключевой принцип – унификацию методологии исследования разнородных феноменов языка. При этом данная методология разрабатывается с опорой на разнородные лингвистические направления и теории. И здесь доминирующее влияние на грамматику конструкций со стороны когнитивной лингвистики оказалось определяющим (например, единицы языка – это «когнитивные шаблоны» [25. Р. 11]). Но если в сфере когнитивной лингвистики возможны и уже разработаны единые правила описания языковых единиц различных уровней и языков (несмотря на наличие различных направлений в рамках самой когнитивной лингвистики), то в грамматике дело обстоит иначе. При этом логический и синтаксический уровни анализа синтаксической структуры имеют свою специфику и характеризуются различными подходами к описанию. Кроме того, существенно отличаются своей лингвистической природой не только фразеологизированные и нефразеологизированные единицы языка, но и сами фразеологические единицы, которые предполагают деление на лексические и синтаксические, а синтаксические, в свою очередь, на коммуникемы, фразеосхемы, устойчивые модели и устойчивые обороты. Таким образом, первый недостаток грамматики конструкций – опора на различную методологию (когнитивная лингвистика, психолингвистика, грамматика, семасиология, прагмалингвистика, теория дискурса, функциональная лингвистика в сочетании с корпусной лингвистикой), каждая из которых характеризуется специфическим объектом, предметом и инструментарием исследования.

Во-вторых, функциональная теория хороша применительно к тем феноменам языка, которые уже получили адекватное описание в структурном и семантическом аспектах. Поэтому отказ от классической грамматики и семасиологии лишает новую теорию фундамента.

В-третьих, конструктивная грамматика игнорирует категориальные признаки СФЕ, которые доминируют в них. Она пытается описать языковой феномен, по сути, с точки зрения традиционной грамматики и семантики, лишь несколько иначе расставляя исследовательские акценты, во вторую очередь обращая внимание на те или иные лексико-семантические «ограничения», игнорируя «ограничения» грамматические.

СФЕ – это языковые единицы, строящиеся с «нарушением правил интеграции». Степень и типы этих нарушений различны, что и приводит к необходимости дифференциации СФЕ на классы (типы) и фразеологические разряды. Данные нарушения детерминированы полной или частичной деактуализацией семантического и / или грамматического значений (в том числе частеречной принадлежности, а также синтаксической функции) отдельных лексических компонентов, которые превращаются в компоненты синтаксической модели. Результатом этого является полная или частичная деактуализация синтаксических отношений в составе такой конструкции и многое другое.

Рассмотрение феномена фразеологизации («ограничений») исключительно в семантической плоскости было предложено в начале 60-х гг. XX в. (см., например, [26] и [27]): «Фразеологизацию следует понимать прежде всего как семантическое явление, заключающееся в слиянии (объединении) нескольких лексических значений в одно» [27. С. 169]. В дальнейшем же учёными ([28–32] и др.) было установлено, что фразеологизация СФЕ представляет собой явление более масштабное и имеет место одновременно на синтаксическом, морфологическом, лексическом и семантическом уровнях: «Если понимать явление фразеологизации как образование воспроизводимых единиц речи, то на первый план выдвигается другая сторона фразеологических явлений – функциональная, которая корнями своими связана не только с семантическими, но и с логическими, стилистическими и грамматическими явлениями» [33. С. 9]. Таким образом, специфика процесса фразеологизации заключается в том, что он осуществляется в нескольких измерениях: семантическом, грамматическом и функциональном. Отсюда очевидна односторонность подхода грамматики конструкций.

Всё это обуславливает необходимость разработки специальной методологии исследования фразеологического фонда языка с применением специфического инструментария. В этом смысле отечественному языковедению повезло больше. Фразеология давно и активно разрабатывается в рамках различных научных школ и подходов. Возникающие частные проблемы (например, неразграничение фразеологических единиц, построенных по модели словосочетания и предложения, а также фразеосхем, построенных по модели простого и сложного предложения, и т.п.) в связи с посто-

янным накоплением исследовательских результатов разрешались естественным образом, без революций и отказа от своих «корней».

О недостатках грамматики конструкций можно судить и по тем незначительным результатам исследования СФЕ в зарубежном языкознании, о которых, на наш взгляд, вполне справедливо упоминает Д.О. Добровольский: «...подобные единицы до сих пор изучены хуже, чем «классические» фразеологизмы типа *сыграть в ящик* или *на воре шапка горит*, при том что они довольно многочисленны, встречаются в самых разных языках и отличаются достаточно высокой употребительностью» [24. С. 15]. Самая оптимистическая оценка роли грамматики конструкций в изучении СФЕ принадлежит также Д.О. Добровольскому: «...фразеология и СxG (по крайней мере, в той ее части, которая занимается нерегулярными феноменами языка) – это два разных и, видимо, взаимодополняющих подхода к изучению композиционных структур: от лексикона к синтаксису и от синтаксиса к лексикону» [Там же. С. 18]. По мнению же других учёных (например: Л.Л. Иомдин, Я.Г. Тестелец и др.), которого придерживается и автор настоящей статьи, грамматика конструкций не имеет никаких перспектив в рассматриваемых аспектах.

Это подтверждается и теми, на наш взгляд, не очень удачными попытками применить инструментарий грамматики конструкций к описанию СФЕ на материале русского языка, которые предпринимаются отдельными учёными (например, [34–36]). Данные исследования не являются плохими, они вносят определённый вклад в разработку методологии исследования синтаксической фразеологии. Однако они представляются односторонними, имеют констатирующий характер, не отвечают на вопрос «почему?» (то или иное явление имеет место) в силу специфичности ключевых принципов самой грамматики конструкций: стирание граней между грамматикой и словарём, а также доминирование исключительно функционально-семантического подхода. В результате становится возможным, к примеру, вывод о том, что более раннее появление в национальном корпусе какого-нибудь языка того или иного языкового феномена свидетельствует о глобальном и всеопределяющем влиянии данного языка на русский язык; отсутствует чёткая формализация синтаксической схемы; фиксируется примерное время появления конструкции, но не устанавливается модель построения СФЕ; отмечается большое количество оттенков значения СФЕ, но не определяется его константное значение в силу неразграничения дихотомии «язык – речь»; осуществляется поиск характеристик, которые присущи и «свободным» синтаксическим конструкциям, при этом игнорируются уникальные свойства СФЕ и т.д.

Всё вышеизложенное и обусловило опору в настоящей работе на отечественный опыт описания фразеосхем. Более детальный анализ роли грамматики конструкций в изучении СФЕ требует отдельного рассмотрения.

Таким образом, методологические принципы исследования фразеосхем были заложены в начале второй половины XX в. в работах В.Л. Архангельского, В.И. Кодухова, Л.И. Ройзензона, Н.М. Шанского, Н.Ю. Шведовой,

Д.Н. Шмелева и др. В дальнейшем теория синтаксической фразеологии развивалась в трудах С.В. Андреевой, В.В. Бабайцевой, А.В. Величко, М.В. Всеволодовой, Л.Б. Матевосян, А.В. Меликян, Л.А. Пиотровской, О.Б. Сиротининой и др.

«Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиций (значений), выражающей суждение или побуждение, обладающая грамматической и лексической частичной нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью и выполняющая в речи экспрессивную функцию» [37. С. 161–162].

По мнению Д.Н. Шмелёва, фразеосхемы «обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определённых, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определённых служебных слов...» [19. С. 327].

«Фразеологизированные предложения всегда неоднородны» [5. С. 383]. Структура фразеосхемы формируется двумя обязательными компонентами: неизменяемым (опорным) и изменяемым. Опорный компонент представлен лексемой (сочетанием лексем), означаемое которой полностью или частично деактуализировано: «К синтаксическим фразеологизмам относятся также построения с утраченными или ослабленными грамматическими или прямыми лексическими значениями тех компонентов, с которыми связано выражение тех или иных субъективно-модальных значений» [Там же. С. 217]. Опорный компонент фразеосхемы может быть выражен: 1) *наречием (вопросительным или невопросительным)*; 2) *местоименным словом*; 3) *частицей*; 4) *междометием*; 5) *союзом*; 6) *предлогом*; 7) *полнозначительным словом* [37. С. 166–167].

Обязательный изменяемый компонент фразеосхемы репрезентирован полнозначительной лексемой (или сочетанием таких лексем), обладающей нулевой, частичной или полной лексико-грамматической и морфологической парадигмой, а также, как правило, полной лексической парадигмой.

Наличие таких характеристик обеспечивает постоянство значения и синтаксической модели фразеосхемы [38. С. 11]. Это позволяет квалифицировать ее значение как «синтаксическое», а сами модели – как «лексико-синтаксические» [39. С. 202]. «...Включая в себя и разные формы имён, и формы глаголов, эти построения имеют одно и то же синтаксическое значение» [40. С. 12]. В связи с тем, что такое синтаксическое значение присуще самой модели предложения, выражается всей синтаксической конструкцией в целом, является устойчивым, инвариантным, не зависит от конкретно-лексического её наполнения, формируется в результате имплементации процесса фразеологизации, данный компонент значения фразеосхемы целесообразно называть фразеосинтаксическим.

В силу своего фразеологического статуса фразеосхемы совмещают в означаемом рациональное и иррациональное, объективное и субъективное начала; в терминологии Ш. Балли [41. С. 44] – фактическое содержание

(диктум) и индивидуальную оценку излагаемых фактов (модус). Диктум – это «основное сообщение, референтом которого является некоторое положение дел в той реальности, которая отображается в речи... Объективная реальность противопоставляется связанному с нею психическому переживанию, языковое выражение которого понимается как модус...» [42. С. 34]. Модус – это «фрагменты высказывания, содержащие модальную интерпретацию диктума...» [Там же. С. 35]. «Модусное событие (как семиотическое содержание, а не экстралингвистический факт) есть отражение «несубстанциональной» действительности, психической реальности, рефлексии говорящего по поводу другого события» [Там же. С. 36]. «...Модусная часть представляет специфическую пропозицию» [Там же. С. 35]. Такая интерпретация диктумной и модусной пропозиции представляется более системной с точки зрения лингвистической теории, так как коррелирует с подходом к определению структуры лексического значения: сигнификат + коннотат. Диктум и сигнификат соотнесены с единицами логики (логемой и понятием соответственно) и являются основным и обязательным компонентом значения, а модус и коннотат – факультативным (точнее – дополнительным, так как модус является обязательным компонентом значения фразеосхемы). Таким образом, содержание слова и предложения в самом широком смысле имеет статус факта – простого (предмет и т.п.) либо сложного (событие), репрезентация которого может сопровождаться выражением отношения говорящего к нему.

Противопоставление по признаку «утверждение – отрицание» имеет непосредственное отношение к диктуму. В диктум также входит фразеосинтаксическое значение в статусе его категориального значения. При этом у фразеосхем «...экспрессивно-оценочные компоненты значения заметно преобладают над информативной семантикой, употребление этих конструкций связано с определенными речевыми актами, поэтому ведущей для большинства из них является функция воздействия на адресата, проявление которой связано с выражением волеизъявления или эмоциональных оценок говорящего: «Нет чтобы помолчать!»; «Чем не жених!»; «Звери, а не люди!» [43. С. 52].

Настоящее исследование строится на основе описания двух омонимичных фразеосхем «Хорош + N₁¹» и «Хорош + N₁²».

В качестве материала выступают фразеосхемы русского языка с опорным компонентом, репрезентированным полнознаменательным словом *хорош*. Материал для анализа извлечён методом сплошной выборки из произведений художественной литературы XIX–XXI вв., а также «Словаря экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели» [44]. Весь иллюстративный материал репрезентирован в условиях разговорной речи.

Лексико-грамматический поиск в Национальном корпусе русского языка [45] (условия поиска: по словоформе *хорош*, которая представляет собой прилагательное в краткой или полной форме, единственном или множественном числе, располагается в инициальном положении и контактно сочетается с личным местоимением или именем существительным в имени-

тельном падеже) не дал ни одного вхождения. Это связано с тем, что грамматика СФЕ значительно отличается от грамматики «свободных» синтаксических конструкций и правила работы с первыми не подходят для работы со вторыми в НКРЯ. Выводы, которые формулируются в настоящей статье, более подробно объясняют причины этого. В частности, лексико-грамматический поиск предполагает поиск по словоформе, что не соответствует статусу лексемы *хорош*, лексико-грамматическое значение которой при вхождении во фразеосхему подвергается полной или частичной деактуализации, что приводит к частичной лексикализации синтаксической модели, а потому речь идёт о поиске уже не словоформы, а лексемы, сходной с данной словоформой.

СФЕ, в частности фразеосхемы, можно искать в НКРЯ. Такой поиск достаточно продуктивен для тех фразеосхем, опорный компонент которых выражен неполнозначительной лексемой или сочетанием таких лексем. Во фразеосхемах «**Хорош + N₁¹**» и «**Хорош + N₁²**» опорный компонент сформирован на основе полнозначительной лексемы *хорош*, что формально делает данные фразеосхемы сходными с синтаксическими конструкциями нефразеологизированного типа, а потому частичная лексикализация синтаксической модели не оказывает должного содействия в таком поиске.

В качестве предмета избраны структурные, семантические, этимологические, парадигматические, синтагматические и фразеологические характеристики фразеосхем.

Фразеосхемы с опорным компонентом, выраженным полнозначительным словом, были описаны ранее О.Г. Даллакян [46], однако представленные в настоящем исследовании фразеосхемы в указанной работе представлены не были. Кроме того, новизна настоящего исследования заключается и в том, что фразеосхемы «**Хорош + N₁¹**» и «**Хорош + N₁²**» впервые рассматриваются в качестве омонимичных на основе выявления совокупности интегральных и дифференциальных признаков.

Рассматриваемые здесь фразеосхемы ранее попадали в поле зрения отдельных учёных, однако их описание носило фрагментарный характер. Например, в работе Н.Ю. Шведовой [17] имеются указания лишь на стилистический (отнесённость к разговорной речи) и семантический аспекты фразеосхемы с опорным компонентом *хорош*: «Построения типа *Хорош жених!* обозначают отсутствие у того, кому (чему) приписывается предикативный признак, свойств, качеств, характерных для называемого; это значение обычно сочетается с иронической оценкой. В прилагательном происходит ослабление конкретного лексического значения. [1-я девушка] Стало-быть, вы барышень на голубей хотите променять! *Хорош кавалер!* (Горбунов. Самодур)» [Там же. С. 279].

Д.Н. Шмелёв при обращении к данной фразеосхеме акцентирует внимание на появлении «особого» значения высказывания в специфическом синтаксическом контексте: «Проиллюстрировать, как на основе частого экспрессивно-иронического употребления отдельных слов в определённых

синтаксических условиях формируется их особое значение, может также прилагательное хороший (в краткой форме). Находясь в препозиции к имени, оно нередко употребляется для отрицательной оценки. При этом, однако, оно получает не только «обратное значение» («плохой, нехороший»), но и служит вообще для отрицания значения последующего существительного (или субстантивированного прилагательного)» [18. С. 68].

Итак, перейдём к системному описанию объекта исследования.

В системе русского языка функционируют две сходные синтаксические конструкции фразеологизированного типа «Хорош + N₁!». Данные СФЕ обладают целым рядом интегральных и дифференциальных признаков и соотносятся как омонимичные. Настоящая статья посвящена изучению их языковых и речевых свойств, а также установлению их языкового статуса и характера взаимоотношений в системе языка.

В результате проведённого исследования было установлено, что обе синтаксические конструкции относятся к классу фразеосхем.

Фразеосхема «Хорош + N₁!¹» в системе языка имеет два значения:

1) «выражает негативную оценку предмета, который формально оценивается положительно; в сочетании с неодобрением, порицанием, возмущением, иронией и т.п.», например:

– *Хорош друг!* – говорил Тарантьев. – Я слышал, он и невесту у тебя поддел; благодетель, нечего сказать! (1) фразеосинтаксическое значение: «негативная оценка предмета»; 2) диктум: «Плохой друг»; 3) модус: «выражение иронии, неодобрения, порицания и т.п. в отношении друга» (И. Гончаров. Обломов);

2) «выражает высокую степень проявления качества предмета в сочетании с разнообразными эмоциями», например:

– *Так ты говоришь, полиция за восемь тысяч дом-то продала? – переспросила она. – Так точно. – Это родительское-то благословение! Хорош... мерзавец!* (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Фразеосхема «Хорош + N₁!²» производна. Она сформирована на основе простого предложения с прямым порядком слов: «подлежащее + сказуемое». Например:

Книга хороша потому, что учит редактора быть художником (А. Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской).

На первом этапе формирования фразеосхемы происходит переосмысление лексемы с оценочной семантикой (имени прилагательного в полной или краткой форме) на противоположное. Такое явление называется энантиосемией. Условием переосмысления выступает «специфическое» контекстуальное окружение преимущественно лексико-семантического плана. При этом высказывание в целом приобретает иронический, разговорный характер. Например:

– *Ты-то хорош,* – нахмурился Васька. – Сам убежал, а меня оставил. (А. Гайдар. Дальние страны).

Однако чаще всего переосмысление энантиосемического характера происходит под влиянием дополнительных контекстуальных факторов,

имеющих системный характер, облегчающих такую трансформацию и предрасполагающих к ней. В роли такого контекстуального актуализатора энантиосемического значения выступает какой-либо грамматический показатель, в частности изменение нейтрального словопорядка в предложении: «...изменением нейтрального словорасположения могут выражаться те или иные субъективно-модальные значения. Это чаще всего значения отрицательного отношения, недоверия, иронии. В начальную позицию в предложении при этом выносятся предикативно значимый член предложения; такие выносы всегда выделяются центром ИК-2. Предложение часто имеет форму прош. или буд. вр.: *Поймет (понял) он тебя!* ((конечно, не поймет)); *Поедет (поехала) она с тобой (как же)!*; *Дадут (дали) тебе премию (ждидайся)!*; *Охота ему (была) ехать в такую погоду!*; *Друг он тебе (прямо уж)!*; *Хорош мальчик!* ...Конситуативно обусловленное значение так вынесенных слов оказывается обратным их прямому значению...» [5. С. 223]. Например:

– *Хорош друг*, – брезгливо сказал Один. – А я тебе верил (В. Токарева. Глубокие родственники).

По мнению Д.Н. Шмелёва, «...именно данный порядок слов, закрепляя их ироническое значение, как это ни покажется с первого взгляда парадоксальным, в значительной мере освобождает их от иронической (в узком смысле этого слова) интонации» [18. С. 67]. С другой стороны, для придания фразе типа *Стану я читать!* утвердительного значения требуется какое-то большее напряжение интонации, какой-то «особый» контекст, а вот отрицательное значение является более естественным [Там же. С. 64], так как оно синтаксически обусловлено: «...экспрессивно-ироническое переосмысление утвердительных по лексическому составу конструкций... связано с... более или менее устойчивой моделью соответствующих конструкций...» [Там же. С. 75].

«Субъективный» порядок слов в высказывании позволяет говорящему акцентировать внимание адресата на предмете речи и придаёт высказыванию экспрессивность.

Таким образом, формирование синтаксической модели предложения, специализирующейся на выражении энантиосемического значения, можно рассматривать в качестве второго этапа образования фразеосхемы «**Хорош** + N₁!¹». «Специализация» синтаксической модели означает появление у синтаксической конструкции первых признаков фразеологизации.

Изменению её языкового статуса способствует также специфика значения лексемы *хороший*, которая заключается в высокой степени обобщённости значения признака: «1. Обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению» [47. Т. 4. С. 620]. Таким образом, дейктический характер семантики слова *хороший* (самое общее значение «положительной оценки») выступает в качестве дополнительного фактора, способствующего формированию фразеосхемы. Можно сказать, что значение данной лексемы уже в системе языка частично деактуализировано, лишено конкретно-лексического характера. Дело в том, что

при исследовании фразеосхем различных групп, структурируемых по лексико-грамматическому статусу опорного компонента, было установлено, что лексемы с максимально обобщённым, абстрактным (частицы, междометия и союзы) или дейктическим (местоимения) значением более активно и продуктивно участвуют в процессе фразеологизации свободных синтаксических конструкций и их трансформации в синтаксические фразеологические единицы, в частности во фразеосхемы. Например:

– ...*Всё-таки перегибает, значит, Воропаев, не знает вашего дела? А? Вот и угоди на вас!* (П. Павленко. Чья-то жизнь); – *А мой отец подвернулся под горячую руку. – Да почему? – Специально дождался меня у магазина. Ну не подхалим!* (В. Шукшин. Обида).

Именно данная специфика значения лексемы *хороший* способствовала тому, что на следующем этапе фразеологизации данной синтаксической конструкции лексическое значение данного слова было полностью деактуализировано, в результате чего была сформирована фразеосхема «Хорош + N₁!²» (об этом см. ниже).

При фразеологизации свободных синтаксических конструкций часто отмечаются элиминации различного типа. Таким образом, переход от полной к краткой форме лексемы *хорош* также сопутствует фразеологической трансформации рассматриваемой синтаксической конструкции. К слову сказать, другие имена прилагательные в таких грамматических условиях практически не функционируют.

В процессе фразеологизации исследуемой синтаксической конструкции лексема *хорош* утрачивает категориальное значение краткой формы прилагательного, которая призвана обозначать «временный признак предмета». В анализируемых речевых реализациях фразеосхемы данная сема не обнаружена, что свидетельствует о частичной деактуализации грамматического значения опорного компонента фразеосхемы. Например:

– *А наемднн обращается ко мне и спрашивает: «В чем это у тебя рыло? Пойди к Макару, пусть он тебе шваброй вымоет!» Хорошиш шутики!* («Это плохие шутики (всегда) + негативное отношение к собеседнику и т.п.») (А. Чехов. Депутат, или повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало).

В качестве дополнительного признака фразеологизации данной синтаксической конструкции следует отметить тот факт, что лексема *хорош*, формально выполняющая функцию сказуемого, как правило, не подвергается распространению в речи, что является типичным признаком обязательного неизменяемого компонента фразеосхемы, например:

– *Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволять им играть в азартные игры? Хороша педагогия, нечего сказать!* (А. Чехов. Девтора).

При формировании второго значения фразеосхемы появляется дополнительный признак фразеологизации, что свидетельствует о его вторичном производном статусе, например:

– *Так ты говоришь, полиция за восемь тысяч дом-то продала? – переспросила она. – Так точно. – Это родительское-то благословение! Хо-*

рош... мерзавец! (1) фразеосинтаксическое значение: «высокая степень проявления качества предмета»; (2) диктум: «Он мерзавец»; (3) модус: «выражение возмущения, порицания, огорчения и т.п. в отношении мерзавца») (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы). Как видим, лексическое значение «*негативной оценки предмета речи*» деактуализируется в части обозначения конкретного знака оценки и сохраняется лишь значение «*степени проявления свойства / качества*». Таким образом, процесс фразеологизации данной синтаксической модели является непрерывным и динамичным: степень её фразеологизации постоянно увеличивается от первого ко второму значению фразеосхемы «**Хорош + N₁¹**» и при формировании фразеосхемы «**Хорош + N₁²**» на основе фразеосхемы «**Хорош + N₁¹**» (об этом см. ниже).

Опорный компонент *хорош* является простым, не имеет полной формы, а потому не изменяется по падежам, при этом обладает полной парадигмой рода и числа, например:

[Анна Павловна:] *Да, кажется, теперь успокоилась. [Няня:] Хорош спокойствие. Смотришь тошно* (Л. Толстой. Живой труп); – *Значит, Арман заболел? – Хороша болезнь, – сказал он с презрением* (Р. Мерль. Мальвиль); – *Ах так! – Эдуард встал и подошёл к Олегу. – Хорош дружок, нечего сказать* (В. Аксёнов. Пора, мой друг, пора); – *Нечего сказать, хороши порядки!* – *сказал он, бросая папиросу* (А. Чехов. Двое в одном).

Таким образом, опорный компонент фразеосхемы «**Хорош + N₁¹**» в первом значении характеризуется частичной деактуализацией грамматического значения, во втором – добавляется частичная деактуализация лексического значения.

Такой подход к интерпретации языкового статуса лексемы *хорош* в составе фразеосхемы «**Хорош + N₁¹**» вполне коррелирует с определением места данной синтаксической конструкции в системе фразеологических ресурсов русского языка: «В третью группу входят конструкции, образованные в соответствии с действующими синтаксическими нормами, но включающие в свой состав в качестве незаменимого компонента такие слова или сочетания, в которых, при сохранении категориальных значений, в той или иной степени ослабляется конкретное лексическое значение; такие слова и сочетания становятся обязательным формантом предикативной единицы определённого модального значения. Подобные образования лишь условно могут быть отнесены к фразеологизмам. Таковы построения типа: *Какая его жизнь! Хорош друг!..*» [17. С. 278]. В соответствии с традиционной шкалой разрядов фразеологических единиц фразеосхему «**Хорош + N₁¹**» следует отнести к фразеосхемам-сочетаниям [37. С. 182–184; 48].

Обязательный изменяемый компонент фразеосхемы «**Хорош + N₁¹**» репрезентирован двумя лексико-грамматическими разрядами слов: именем существительным (N₁) и личным местоимением (Pron₁) в именительном падеже. С учётом данного обстоятельства план выражения данной фразеосхемы следует несколько расширить за счёт вариативного компонента: «**Хорош(-а, -о, -и) + N₁ [Pron₁]¹**». Таким образом, его лексико-

грамматическая парадигма дефектна, морфологическая парадигма падежа – нулевая (только форма именительного падежа), рода (для им. сущ.), лица (для мест.) и числа – полная. Например:

– *Воображаю – хорош гусь!* – сказал генерал, смеясь. – Ну да, управитель так и оторопел, говорит: «Что вам угодно?» (Н. Гоголь. Мертвые души); – *Из поповен прямо в чиновницы. Хороша чиновница!* Дай ты ей наше дело, так она тебе и впишет входящую в исходящие (А. Чехов. Женское счастье); *Когда после кадрили к вдовушке подошел ее давнишний восемнадцатилетний обожатель, она приняла его холодно. – Хороши вы,* – сказала она ему, глядя в это время на спину Турбина, – *хороши вы: обещали за мной заехать кататься и конфет мне привезти* (Л. Толстой. Два гусара).

По роду и числу обязательный неизменяемый и изменяемый компоненты фразеосхемы согласовываются, что свидетельствует об актуальности синтаксических связей и о низкой степени фразеологизации синтаксической конструкции в целом. Низкий уровень фразеологизации частично компенсируется ограниченными парадигматическими возможностями обязательного изменяемого компонента, отсутствием синтаксической парадигмы в связи с необратимостью порядка следования обязательного неизменяемого и изменяемого компонентов, а также отсутствием факультативных компонентов структуры фразеосхемы. Последнее является весьма нетипичным для фразеосхем. К этому можно добавить практически полное отсутствие распространения синтаксической структуры фразеосхемы, несмотря на то, что обязательный изменяемый компонент не обладает какими-либо ограничениями в данном аспекте. Распространение синтаксической структуры фразеосхемы разрушает её целостный и устойчивый характер, актуализирует семантическое наполнение лексемы *хорош* и в результате ведёт к изменению статуса синтаксической конструкции (переводит в разряд «свободных»). Это связано с низким уровнем её фразеологизации. Например:

– *Откуда валюту взял? – В руках никогда не держал! Брал, но брал нашими советскими!.. Хорош и наш секретарь Пролежнев.* Прямо скажем, все воры в домоуправлении (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Тоже самое можно сказать и о варьировании форм времени, например:

– *Сколько я наделал глупостей по их милости! – бормотал он на бегу. Хорош же я буду теперь.* Ах, какой урок! Какой урок! (Э. Золя. Карьера Ругонов).

Фразеосхема «Хорош(-а, -о, -и) + N₁ [Pron₁]!» обладает всеми фразеологическими признаками.

Воспроизводимость фразеосхемы проявляется в том, что коммуниканты используют данную синтаксическую конструкцию в качестве готовой.

Структурная устойчивость обусловлена наличием обязательных неизменяемого и изменяемого компонентов структурной схемы, в отсутствии лексико-грамматической и лексико-семантической парадигмы опорного компонента, в ограничении морфологического варьирования; в наличии

дефектной лексико-семантической парадигмы обязательного изменяемого компонента, в отсутствии у него морфологической парадигмы; в необратимости порядка следования обязательных неизменяемого и изменяемого компонентов. Семантическая устойчивость – наличием «стереотипного» фразеосинтаксического значения («негативной оценки» / «высокой степени проявления качества предмета»).

Структурная целостность связана с невозможностью опущения одного из обязательных компонентов фразеосхемы, семантическая целостность – с наличием фразеосинтаксического значения, которое представляет собой не сумму значений структурных компонентов предложения, а обусловлено совокупностью факторов, детерминированных процессом его фразеологизации и закреплено за синтаксической моделью предложения в целом.

Идиоматичность данной фразеосхемы проявляется в следующем.

В первом значении у фразеосхемы эксплицитно не представлено фразеосинтаксическое значение «негативной оценки предмета», структурирующее диктумный аспект её значения, например:

– *Что это была за странная история с одеждой? – Это была ошибка. – Хороша ошибка! К этой девочке ты больше не лезь: тебя ее сестра не любит.* («1) фразеосинтаксическое значение: «негативная оценка предмета»; 2) диктум: «Плохая ошибка»; 3) модус: «выражение удивления, возмущения, порицания и т.п. в отношении собеседника») (А. Гайдар. Тимур и его команда). Кроме того, здесь формально не репрезентировано модусное значение, представленное разнообразными семами субъективно-эмоционального плана.

Во втором значении у фразеосхемы идиоматичным является фразеосинтаксическое значение «высокой степени проявления качества предмета», а также модусное значение, например:

– *Я, – говорит, – надеялась, когда он туда ездил, – договорятся, а она, видать, получше нашла. Побогаче! Американца, не из наших дураков, – в голосе тётки Зины, только что таком сладком, неожиданно появилась ярость. – Также хороша стерва. А Катюха, может, так никогда и не выйдет замуж.* (1) фразеосинтаксическое значение: «высокая степень проявления качества предмета»; 2) диктум: «Она стерва»; 3) модус: «выражение возмущения, порицания, огорчения и т.п. в отношении стервы») (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы).

В структуре фразеосхемы имеется признак аграмматичности, например:

Трёх-четырёхмесячной давности «Караван историй», свежий номер которого стоит 50 рублей, продавался там... по 46 рублей. Хороша уценка, не правда ли? Специально три недели ежедневно ходил к киоску и без удивления обнаруживал, что ни один из «уценённых» номеров так и не был продан («Плохая уценка...») (Кот в целлофановом мешке (2002) // «Витрина читающей России». 2002.08.02). В значении данного высказывания отсутствует сема «временный признак предмета», репрезентируемая краткой формой прилагательного: «Такая (маленькая) уценка всегда и вообще является плохой, а не только в данном случае». Это свидетельствует о том,

что грамматическое значение лексемы *хорош* также является частично идиоматичным.

Разговорная стилистическая маркированность появляется ещё на одном из этапов формирования фразеосхемы, поэтому к идиоматичным её отнести нельзя, как это, как правило, бывает у единиц данного класса. Вынос на первое место лексемы *хороша*, даже в её прямом положительном значении придаёт высказыванию разговорный характер за счёт появления экспрессивности, продуцируемой семой «интенсивности» («акцентуации»), например:

– Нет, не шиньон, а собственные мои волосы. Я когда-нибудь их перед вами распушу, дядя. – Да, **хороша коса**, – похвалил Иудушка (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Таким образом, фразеосхема «**Хорош(-а, -о, -и) + N₁ [Pron₁]!¹**» обладает минимальным по сравнению с другими фразеосхемами набором признаков идиоматичности и по степени фразеологизации относится к фразеосхемам-сочетаниям.

При этом она способна продуцировать несколько СФЕ более высокого класса (более высокой степени фразеологизации) – коммуникем [49]: **Хорошенькая [хорошая] история!**, **Хорош!¹**, **Хорошенькое [хорошее] дело [дельце]!** Например:

1) **Хорош!¹** 2. Ирон. Выражение упрёка, насмешки, осуждения, негат. оц. и т.п. – Болтанка сильная была, когда прыгали. У меня валенок и слетел... ещё в воздухе. – **Хорош!** Как это ты ещё штаны не потерял (В. Кожевников. Март-апрель);

2) **Хорошенькое [хорошее] дело [дельце]!** 1. Выражение одобрения, похвалы и т.п.

– Всё играешь, Славка? – спросил дядя Володя. – Играет! – встряла мать. <...> – **Хорошее дело**, – сказал дядя Володя (В. Шукшин. Вянет, пропадает...).

2. Ирон. Выражение возмущения, неодобрения, огорчения, досады, пощипания и т.п.

– Кулака надо вырывать с корнем! – Полька не корень. Она моя жена... почесть. – “Почесть?” **Хорошенькое дело!**... (М. Алексеев. Вишнёвый омут).

Рассмотрим фразеосхему «**Хорош + N₁!²**», сделав акцент на дифференциальных признаках. Данная фразеосхема в системе языка имеет одно значение: «выражает несогласие, отрицание факта, который формально утверждается и положительно оценивается; в сочетании с удивлением, недоверием, неодобрением, пренебрежением, возмущением, насмешкой, иронией и т.п. (обычно при повторе в ответной реплике ключевого по смыслу слова)», например:

– **Хорошо добро**: ни с того ни с сего взять чужие деньги, бриллианты, да ещё какую-нибудь Голендуху Парамоновну, впридачу! («Это не добро + удивление, неодобрение, ирония и т.п.») (И. Гончаров. Обрыв). Актуализатором значения отрицания в данном примере выступает содержание экзи-

стенциальной пресуппозиции, связанное с негативной оценкой («такой поступок – это зло, т.е. не добро») всеми коммуникантами поступка, описываемого в правом контексте («ни с того ни с сего взять чужие деньги, бриллианты»). Сравните:

– *Хорош абрек, – говорю, – который по мышам пальбу подымает!*
 (1) фразеосинтаксическое значение: «негативная оценка предмета»; 2) диктум: «Плохой абрек»; 3) модус: «выражение иронии, неодобрения, порицания и т.п. в отношении абрека») (Ф. Искандер. Чик чит обычаи). Во втором примере контекстуальные условия имеют сходный характер: всем известно, что «настоящий (т.е. хороший) абрек по мышам палить не будет»; при этом абрек, который по мышам пальбу подымает, не перестаёт по этой причине быть абреком, но становится абреком порицаемым, т.е. негативно оцениваемым (плохим) своими собратями («**Абрек**. В период присоединения Кавказа к России: горец, ведший борьбу против царской администрации и русских войск (первоначально: изгнанник из рода; разбойник)» [50. С. 23]). Поэтому содержание данной пресуппозиции актуализирует именно значение негативной оценки, а не отрицания.

Сравнительный анализ означаемого обеих фразеосхем свидетельствует о том, что их план содержания существенно различается. Фразеосхема «**Хорош + N₁!¹**» выражает два категориальных значения: «негативной оценки» и «высокой степени проявления качества предмета». Фразеосхема «**Хорош + N₁!²**» выражает значение «отрицания». Данные виды значений в теории семантики традиционно относятся к различным группам. В целом обе фразеосхемы тесно связаны со значением негативной оценки, однако для первой фразеосхемы в первом значении оно является категориальным и относится к диктуму, а для второй – дополнительным и репрезентирует модус. Второе значение фразеосхемы «**Хорош + N₁!¹**» также связано со значением оценки (модус), однако данная оценка может быть как негативной, так и положительной.

Данная фразеосхема производна и сформирована на основе фразеосхемы «**Хорош + N₁!¹**». Таким образом, она представляет собой дальнейшее развитие процесса фразеологизации исходной синтаксической конструкции, который выражается в следующем.

Опорный компонент *хорош* фразеосхемы «**Хорош + N₁!¹**» в результате её реализации в новом значении («отрицания») полностью деактуализируется: утрачивает актуальность своего лексико-семантического наполнения, а также грамматического статуса (фразеосхема имеет статус отрицательно, а не оценочного).

Благодаря «укреплению» фразеологического статуса фразеосхемы опорный компонент *хорош* получил дополнительную парадигму по признаку полная / краткая форма: «**Хорош(-а, -и, -о, -ий, -ая, -ие, -ое, -ее) + N₁!²**». Морфологическая парадигма имени прилагательного в полной форме такая же, как и в краткой форме (рода и числа). Например:

*Я говорю: – Пустяки, Марья Васильевна Блохина. Еще продержатся. – А деверь нажрался арбуза и отвечает: – То есть как это пустяки? **Хорошие пустяки!** Вдова их в гости приглашает, а они у вдовы предметы тю-*

кают. – А Марья Васильевна осматривает стакан и все больше расстраивается. («1) фразеосинтаксическое значение: «отрицание»; 2) диктум: «Это не пустяки»; 3) модус: «выражение удивления, неодобрения, возмущения, иронии и т.п.») (М. Зошенко. Стакан).

Таким образом, опорный компонент фразеосхемы «Хорош(-а, -и, -о, -ий, -ая, -ие, -ое, -ее) + N₁²» полностью деактуализирован в лексико-семантическом аспекте и частично (в значительной степени) – в грамматическом: утрачен частеречный статус (категориальное значение «признаковости»), но сохранено морфологическое значение.

Лексико-грамматическая парадигма обязательного изменяемого компонента стала нулевой: только имя существительное (N₁).

В связи с полной деактуализацией опорного компонента к разряду идиоматичных следует отнести фразеосинтаксическое значение «отрицания», а также модусное значение.

Полная деактуализация опорного компонента значительно повысила степень фразеологизации данной фразеосхемы, что позволяет отнести её к разряду фразеосхем-единств.

Проведённое исследование показало, что, во-первых, обе синтаксические конструкции имеют статус фразеосхемы. Во-вторых, данные фразеосхемы соотносятся как омонимичные (омоформы): они находятся в отношениях деривации, имеют существенные различия во фразеологическом статусе опорного компонента, в репрезентативности обязательного изменяемого компонента, в семантике, а также относятся к различным фразеологическим разрядам. В-третьих, описываемые единицы языка отличаются противоречивой природой: одновременно находятся под воздействием двух противоположных принципов устройства языка – экономии и избыточности, а также совмещают в себе два противоположных свойства – стереотипность и эмоциональность. В-четвёртых, несмотря на низкую степень фразеологизации, фразеосхема «Хорош + N₁¹» является весьма динамичной во фразеологическом аспекте: на её основе сформирована фразеосхема «Хорош + N₁²», а также несколько СФЕ (коммуникем) с более высоким уровнем фразеологизации. Это свидетельствует о высоком фразеологическом потенциале фразеосхемы «Хорош + N₁¹». В-пятых, процесс фразеологизации описываемой синтаксической модели является непрерывным и поступательным: степень её фразеологизации постоянно увеличивается от первого ко второму значению фразеосхемы «Хорош + N₁¹» и при формировании фразеосхемы «Хорош + N₁²» на основе фразеосхемы «Хорош + N₁¹».

Литература

1. Лантева О.А. Нерешенные задачи изучения структуры современного русского литературного языка и устной литературной речи в его составе // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2003. С. 270–274.

2. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е. Национально-культурные единицы общения в современном культурном пространстве – лингвометодический аспект // Русский язык в Армении. 2003. № 3. С. 3–5.

3. *Белинский В.Г.* Басни Ивана Крылова // Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 4. 889 с.
4. *Русская разговорная речь* / отв. ред. Е.А. Земская. М., 1973. 485 с.
5. *Русская грамматика* : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2. 717 с.
6. *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // *Русская речь* / под ред. Л.В. Щербы. Л., 1923. Вып. 1. С. 171–178.
7. *Шмелёв Д.Н.* Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976. 152 с.
8. *Янко-Триницкая Н.А.* Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1969. Вып. 5, т. 28. С. 429–436.
9. *Фортунатов Ф.Ф.* Сравнительное языковедение. Общий курс // Академик Ф.Ф. Фортунатов. Избранные труды. М., 1956. Т. 1. 220 с.
10. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Языки русской культуры, 1997. 576 с.
11. *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М. : Изд-во РГГУ, 2001. 798 с.
12. *Никитин М.В.* О семантике метафоры // *Вопросы языкознания*. 1979. № 1. С. 91–103.
13. *Вардуль И.Ф.* Основы описательной лингвистики: Синтаксис и супрасинтаксис. М. : Наука, 1977. 350 с.
14. *Скребнев Ю.М.* Введение в коллоквиалистику. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. 206 с.
15. *Jackendoff R.* The boundaries of the lexicon // *Idioms: Structural and psychological perspectives*. Hillsdale ; New Jersey ; Hove (UK), 1995.
16. *Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor C.* Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone // *Language*. 1988. Vol. 64. P. 501–538.
17. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 378 с.
18. *Шмелёв Д.Н.* Экспрессивно-ироническое выражение отрицания // *Вопросы языкознания*. 1958. № 6. С. 63–75.
19. *Шмелёв Д.Н.* Современный русский язык: Лексика. М., 1977. 335 с.
20. *Kay P.* An Informal Sketch of a Formal Architecture for Construction Grammar // *Grammars*. 2002. Vol. 5, is. 1. P. 1–19.
21. *Fillmore Ch., Kay P.* Construction Grammar Coursebook: manuscript. University of California at Berkeley, Department of linguistics, 1993.
22. *Croft W., Cruse D.A.* Cognitive linguistics. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2004.
23. *Hoffmann T., Trousdale G.* Construction grammar: Introduction. The Oxford handbook of construction grammar. Oxford : Oxford Univ. Press, 2013. P. 1–14.
24. *Добровольский Д.О.* Грамматика конструкций и фразеология // *Вопросы языкознания*. 2016. № 3. С. 7–21.
25. *Langacker R.W.* An overview of cognitive grammar // *Topics in Cognitive Linguistics* / ed. by Brygida Rudzka-Ostyn. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 49–89.
26. *Ройзензон Л.И.* Фразеологизация как лингвистическое явление // *Труды Самарканд. гос. ун-та. Новая серия*. 1961. № 113. С. 46–53.
27. *Озаровский О.* К характеристике безлично-предикативных фразеологизмов в современном русском языке // *Учёные записки Киргизского университета. Славянский сборник II*. 1963. Вып. 10. С. 163–172.
28. *Кодухов В.И.* Синтаксическая фразеологизация // *Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе* / ред. Р.Н. Попов. Вологда, 1967. С. 123–136.
29. *Новикова Л.И.* О структурно-семантических свойствах сложных предложений с устойчивым сочетанием типа «стоило... как», «стоило... чтобы» // *Учёные записки Пермского государственного педагогического института*. 1974. Т. 123. С. 122–136.
30. *Сиротина О.Б.* Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965. 172 с.

31. Слепцова А.М. Фразеологизация и фразеологизм (к вопросу о синтаксических фразеологизмах) // Вопросы грамматики и лексики русского языка. Известия Воронежского государственного педагогического института. 1972. Т. 126. С. 69–74.
32. Эстрина Л.С. Фразеологизация обобщенно-уступительных придаточных предложений // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1969. Т. 68. С. 89–93.
33. Гаврин С.Г. Проблема систематизации устойчивых сочетаний современного русского языка в функциональном аспекте // Ученые записки МОПИ. 1966. Вып. 11, т. 160. С. 260–273.
34. Копотев М.В. Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки : Helsinki University Press, 2008. 52 с.
35. Вилинбахова Е.Л., Копотев М.В. «Х есть Х» значит «Х это Х»? Ищем ответ в синхронии и диахронии // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 110–124.
36. Никунласси А. Синтаксис фокусной частицы только и // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 7–30.
37. Меликян В.Ю. Современный русский язык: Синтаксическая фразеология : учеб. пособие для студентов. 3-е изд. М. : Флинта : Наука, 2017. 232 с.
38. Гаврин С.Г. Фразеологизация элементов речевого потока как лингвистическое явление: (В связи с проблемой развития фразеологического состава) // Вопросы русского языка и методики его преподавания. Ученые записки Пермского государственного педагогического университета. Пермь, 1966. Вып. 34. С. 9–34.
39. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д, 1964. 316 с.
40. Шмелёв Д.Н. О синтаксической членности предложения // Русский язык в школе. 1965. № 2. С. 6–12.
41. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : URSS, 2001. 416 с.
42. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск : Наука, 1987. 197 с.
43. Николина Н.А. Современный русский синтаксис: предложение и его членность // Межвузовский научный сборник. Владимир, 1994. С. 47–54.
44. Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели. 3-е изд. М. : Флинта : Наука, 2017. 336 с.
45. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
46. Даллакян О.Г. Фразеосинтаксические схемы с опорными компонентами *дался, нашел, нашел кто, нашелся, надо же, нужно, охота*: язык и речь : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2010. 185 с.
47. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985. Т. 4. 790 с.
48. Меликян В.Ю., Меликян А.В., Посиделова В.В. Classification of English fixed phrase schemes according to phraseological hierarchy // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 145–151.
49. Меликян В.Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М. : Флинта : Наука, 2013. 400 с.
50. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2006. 1536 с.

Fixed Phrase Schemes “Khorosh + N₁¹” and “Khorosh + N₁²” in the Contemporary Russian Language

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2020. 67. 129–153. DOI: 10.17223/19986645/67/7

Vadim Yu. Melikyan, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: melikyanv@mail.ru / melikyanv@sfedu.ru

Keywords: syntactic phraseology, construction grammar, fixed phrase scheme, construction models, Russian language.

The article aims to determine the linguistic status of syntactic constructions “Khorosh + N₁!” and “Khorosh + N₁!?”: their signifier and signified, etymology, paradigmatics, and syntagmatics are studied; the phraseological status (fixed phrase scheme) and the degree of idiomaticity are established. The study was fulfilled within the framework of the syntactic phraseology theory. Its significance is determined by the high efficiency (a large array and frequency in speech) of “ready” linguistic forms (stable, stereotyped, standardized, idiomatic sentences) in specialized speech conditions due to their dynamism and expressivity. The aim is the systematization of the fixed phrase schemes inventory in the Russian language that will contribute to further formation of the syntactic phraseology theory and to the solution of a number of particular problems: the distribution of the fixed phrase schemes by their types, etc. The study examines the key tenets of Construction Grammar (CxG): compares the methodology of two approaches, identifies the shortcomings of CxG; the current practice of the fixed phrase schemes studying on the basis of different languages is analyzed, and the fact that there are no meaningful results of the fixed-phrase schemes study within the CxG framework is stated; it is concluded that a special toolkit should be developed to study free and idiomatic structures. The descriptive and transformational methods as well as the method of componential analysis of the propositional sentence structure, syntactic modelling, and phraseological, etymological, contextual, and discursive analysis are used. The illustrative material was extracted from the Russian National Corpus, phraseological and explanatory dictionaries, fiction literature of the 19th–21st centuries, and oral speech recordings using continuous sampling method. It has been established that the studied syntactic constructions refer to the fixed phrase schemes rank; the given fixed phrase schemes correlate as derivative ones, they have considerable differences in the idiomatic status of the compulsory component, in the representativeness of the compulsory changeable component, and in semantics, and they refer to different idiomatic ranks (combination and unity), that is why they are homonymous; the described idioms have a controversial nature: they are simultaneously influenced by two opposite principles of language arrangement—economy and redundancy, and they also combine two opposite qualities—stereotyping and emotionalism; despite the low phraseologization degree, the fixed phrase scheme “Khorosh + N₁!” has a high idiomatic potential: it is a base for the fixed phrase scheme “Khorosh + N₁!?”, as well as several syntactic idioms with a higher idiomatic degree (communicemes).

References

1. Laptёva, O.A. (2003) Nereshennye zadachi izucheniya struktury sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka i ustnoy literaturnoy rechi v ego sostave [Unsolved problems of studying the structure of the modern Russian literary language and oral literary speech in its composition]. In: *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of Speech Communication]. Saratov: Saratov State University. pp. 270–274.
2. Burvikova, N.D., Kostomarov, V.G. & Prokhorov, Yu.E. (2003) Natsional’no-kul’turnye edinye obshcheniya v sovremennom kul’turnom prostranstve – lingvometodicheskiy aspekt [National-cultural units of communication in the modern cultural space – the linguamethodological aspect]. *Russkiy yazyk v Armenii*. 3. pp. 3–5.
3. Belinskiy, V.G. (1954) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. IV. Moscow: USSR AS.
4. Zemskaya, E.A. (ed.) (1973) *Russkaya razgovornaya rech’* [Russian Colloquial Speech]. Moscow: Nauka.
5. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. 2. Moscow: Nauka.

6. Yakubinskiy, L.P. (1923) O dialogicheskoy rechi [On dialogical speech]. In: Shcherba, L.V. (ed.) *Russkaya rech'* [Russian Speech]. Vol. 1. Petrograd: Izdatel'stvo foneticheskogo instituta prakticheskogo izucheniya yazykov. pp. 171–178.
7. Shmelev, D.N. (1976) *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic Divisibility of Utterances in Modern Russian]. Moscow: Nauka.
8. Yanko-Trinit'skaya, N.A. (1969) Frazеologichnost' yazykovykh edinit raznykh urovney yazyka [Phraseology of linguistic units of different levels of language]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 5 (28). pp. 429–436.
9. Fortunatov, F.F. (1956) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo.
10. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (1997) *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoy grammatiki)* [Linguistic Conceptualization of the World (Based on the material of Russian grammar)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
11. Testele'ts, Ya.G. (2001) *Vvedenie v obshchiy sintaksis* [An Introduction to General Syntax]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
12. Nikitin, M.V. (1979) O semantike metafory [On the semantics of metaphor]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1. pp. 91–103.
13. Vardul', I.F. (1977) *Osnovy opisatel'noy lingvistiki: Sintaksis i suprasintaksis* [Fundamentals of Descriptive Linguistics: Syntax and Suprasyntax]. Moscow: Nauka.
14. Skrebnev, Yu.M. (1985) *Vvedenie v kollokvialistiku* [Introduction to Colloquial Studies]. Saratov: Saratov State University.
15. Jackendoff, R. (1995) The boundaries of the lexicon. In: Everaert, M. et al. (eds) *Idioms: Structural and psychological perspectives*. Hillsdale; New Jersey; Hove (UK): Erlbaum.
16. Fillmore, Ch.J., Kay, P. & O'Connor, C. (1988) Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone. *Language*. 3 (64). pp. 501–538. DOI: 10.2307/414531
17. Shvedova, N.Yu. (1960) *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech]. Moscow: USSR AS.
18. Shmelev, D.N. (1958) Ekspressivno-ironicheskoe vyrazhenie otritsaniya [Expressive-ironic expression of negation]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 63–75.
19. Shmelev, D.N. (1977) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* [Modern Russian language. Lexis]. Moscow: Prosveshchenie.
20. Kay, P. (2002) An Informal Sketch of a Formal Architecture for Construction Grammar. *Grammars*. 1 (5). pp. 1–19.
21. Fillmore, Ch. & Kay, P. (1993) *Construction Grammar Coursebook: manuscript*. Berkeley: University of California at Berkeley, Department of linguistics.
22. Croft, W. & Cruse, D.A. (2004) *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Hoffmann, T. & Trousdale, G. (2013) *The Oxford Handbook of Construction Grammar*. Oxford: Oxford University Press. pp. 1–14.
24. Dobrovolskiy, D.O. (2016) Construction grammar and phraseology. *Voprosy yazykoznaniiya*. 3. pp. 7–21. (In Russian). DOI: 10.31857/S0373658X0000999-7
25. Langacker, R.W. (1988) An overview of cognitive grammar. In: Rudzka-Ostyn, B. (ed.) *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. pp. 49–89.
26. Royzenzon, L.I. (1961) Frazеologizatsiya kak lingvisticheskoe yavlenie [Phraseologization as a linguistic phenomenon]. *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya*. 113. pp. 46–53.
27. Ozarovskiy, O. (1963) K kharakteristike bezlichno-predikativnykh frazeologizmov v sovremennom russkom yazyke [On the characteristic of impersonal-predicative phraseological units in modern Russian]. *Uchenye zapiski Kirgizskogo universiteta. Slavyanskiy sbornik II*. 10. pp. 163–172.

28. Kodukhov, V.I. (1967) Sintaksicheskaya frazeologizatsiya [Syntactic phraseologization]. In: Popov, R.N. (ed.) *Problemy frazeologii i zadachi ee izucheniya v vysshey i sredney shkole* [Problems of Phraseology and the Objectives of Its Study in Higher and Secondary Schools]. Vologda: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 123–136.
29. Novikova, L.I. (1974) O strukturno-semanticheskikh svoystvakh slozhnykh predlozheniy s ustoychivym sochetaniem tipa “stoilo... kak”, “stoilo... chtoby” [On the structural and semantic properties of complex sentences with a fixed combination of the type “stoilo... kak”, “stoilo... chtoby”]. *Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 123. pp. 122–136.
30. Sirotinina, O.B. (1965) *Poryadok slov v russkom yazyke* [Word Order in Russian]. Saratov: Saratov State University.
31. Sleptsova, A.M. (1972) Frazeologizatsiya i frazeologizm (k voprosu o sintaksicheskikh frazeologizmakh) [Phraseologization and phraseological unit (on the issue of syntactic phraseological units)]. *Voprosy grammatiki i leksiki russkogo yazyka. Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 126. pp. 69–74.
32. Estrina, L.S. (1969) Frazeologizatsiya obobshchenno-ustupitel'nykh pridatochnykh predlozheniy [Phraseologization of generalized concessional clauses]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 68. pp. 89–93.
33. Gavrin, S.G. (1966) Problema sistematzatsii ustoychivyykh sochetaniy sovremennogo russkogo yazyka v funktsional'nom aspekte [The problem of systematizing fixed combinations of the modern Russian language in the functional aspect]. *Uchenye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo instituta*. 11 (160). pp. 260–273.
34. Kopotev, M.V. (2008) *Prinsipy sintaksicheskoy idiomatizatsii* [The Principles of Syntactic Idiomatization]. Helsinki: Helsinki University Press.
35. Vilinbakhova, E.L. & Kopotev, M.V. (2017) Does “X est' X” mean “X eto X”? Looking for an answer in synchrony and diachrony. *Voprosy yazykoznaniya*. 3. pp. 110–124. (In Russian). DOI: 10.31857/S0373658X0001003-2
36. Nikunlassi, A. (2019) Syntax of the Focus Particle tol'ko i. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 7–30. (In Russian). DOI: 10.31857/S0373658X0004300-9
37. Melikyan, V.Yu. (2017) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksicheskaya frazeologiya* [Modern Russian Language. Syntactic phraseology]. 3d ed. Moscow: Flinta: Nauka.
38. Gavrin, S.G. (1966) Frazeologizatsiya elementov rechevogo potoka kak lingvisticheskoe yavlenie (V svyazi s problemoy razvitiya frazeologicheskogo sostava) [Phraseologization of elements of the speech stream as a linguistic phenomenon (In connection with the problem of the development of phraseological composition)]. *Voprosy russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya. Uchenye zapiski Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 34. pp. 9–34.
39. Arkhangel'skiy, V.L. (1964) *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke* [Fixed Phrases in Modern Russian]. Rostov-on-Don.
40. Shmelev, D.N. (1965) O sintaksicheskoy chlenimosti predlozheniya [On the syntactic divisibility of a sentence]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*. 2. pp. 6–12.
41. Balli, Sh. (2001) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Questions of the French Language]. Moscow: URSS.
42. Cheremisina, M.I. & Kolosova, T.A. (1987) *Ocherki po teorii slozhnogo predlozheniya* [Essays on the Theory of Complex Sentences]. Novosibirsk: Nauka.
43. Nikolina, N.A. (1994) *Sovremennyy russkiy sintaksis: predlozhenie i ego chlenimost'* [Modern Russian syntax: sentence and its divisibility]. In: *Mezhvuzovskiy nauchnyy sbornik* [Interuniversity Scientific Collection]. Vladimir: [s.n.]. pp. 47–54.
44. *Russian National Corpus*. (n.d.) [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru>. (In Russian).
45. Melikyan, V.Yu. (2017) *Slovar' ekspressivnykh ustoychivyykh fraz: frazeoskhemy i ustoychivye modeli* [Dictionary of Expressive Fixed Phrases: Phrase Schemes and Stable Models]. 3d ed. Moscow: Flinta: Nauka.

46. Dallakyan, O.G. (2010) *Frazeosintaksicheskie skhemy s opornymi komponentami dalsya, nashel, nashel kto, nashelsya, nado zhe, nuzhno, okhota: yazyk i rech'* [Fixed phrase schemes with supporting components dalsya, nashel, nashel kto, nashelsya, nado zhe, nuzhno, okhota: language and speech]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.

47. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.

48. Melikyan, V.Yu., Melikyan, A.V. & Posidelova, V.V. (2018) Classification of English fixed phrase schemes according to phraseological hierarchy. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 2. pp. 145–151. (In Russian).

49. Melikyan, V.Yu. (2013) *Sintaksicheskiy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Syntactic Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka.

50. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2006) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.